

ГЛАВА 1

Иногда по ночам необъятный, непредсказуемый Тихий океан начинал безобразно капризничать. Швырял, словно детский мячик, тушу белого лайнера, всю последнюю неделю мирно бороздившего воды на пути из Сан-Франциско в Японию.

Это нескончаемое швыряние вызывало тяжесть в животах и душах двухсот с лишним человек на борту. Им было страшно сознавать, насколько непрочен на самом деле большой океанский лайнер, поэтому они сидели сгрудившись по каютам, пока на палубе сутками бушевал шторм.

Но один молодой человек не желал оставаться в каюте. Сражаясь с качкой и яростным ветром, он поднимался на палубу, осторожно добирался по мокрому скользкому полу до борта и хватался за ограждение. По какой-то причине ему казалось, что он должен покидать комфорт безопасной каюты и наказывать себя, подвергая этому еженощному ритуалу.

Молодой человек содрогался при одной мысли о том, каким маленьким кажется огромный океанский лайнер и как легко гневливый океан может поглотить его под влиянием прихоти. Внезапная молния и раскат грома, разносящийся над палу-

бой при вспышке света, только усиливали это ощущение и наполняли его сердце еще большей тревогой.

Кен Пинкертон знал: следует остерегаться ударов молний, как и того, что корабль может сильно накрениться, и тогда он упадет за борт, навеки исчезнув в безжалостных бушующих волнах. Но он не боялся, потому что могучая смесь тревоги и боли заглушала в нем все остальные эмоции, особенно страх.

Судно быстро приближалось к Японии — уже через несколько дней он ступит на землю, с которой, как выяснилось, связаны его гены и корни. Кен нервничал, потому что не знал, чего ожидать и как изменится его жизнь.

Мимолетные видения не исчезли. Они преследовали его с самого детства, сколько он себя помнил. Иногда, испуганный, он просыпался по ночам и с плачем звал мать:

— Мама! Мама! Опять она!

Во снах ему отчетливо являлась женщина — она смотрела на него блестящими от гордости и сдерживаемых слез глазами. Иногда она с превеликой нежностью брала его на руки, и каждый раз в воздухе витал сладкий аромат незнакомых цветов. Перед тем как исчезнуть, она пела ему нежным мелодичным голосом юной девушки. Но какими бы нежными и прекрасными ни были эти видения, они тревожили и смущали Кена: ведь он был всего лишь ребенком и не понимал их.

Когда Кен спрашивал мать, что означают эти неотступные образы, отголоски давних воспоминаний, сохранившихся в его мозгу, Хелен резко

обрывала разговор, отвечая, что это всего лишь сны. Но Кен всегда подмечал странную замкнутость, появлявшуюся в ее взгляде, и быстроту, с которой она меняла тему, как будто тем самым могла заставить эти видения исчезнуть и не возвращаться. Это было совсем не похоже на Хелен, обожающую все объяснять и обычно отвечающую на его вопросы с большим удовольствием и множеством подробностей.

Но несмотря на надежды матери, видения не исчезали, и по мере того как Кен рос, в нем крепла смесь любопытства и беспокойства. Кто была эта дама и почему она так настойчиво преследовала его столько лет? Может быть, она пыталась что-то открыть ему?

Иногда он желал, чтобы дама просто сдалась и больше никогда не появлялась, потому что ее образ погружал его в глубокие размышления, а он пребывал в том возрасте, когда хотелось просто веселиться и ни о чем не думать всерьез, как его беззаботные друзья. Пока Кен вспоминал об этих подростковых переживаниях, ему в лицо яростно плеснула вода, ослепив на мгновение.

Были и другие тревожные вопросы, что снедали его, отказываясь уходить. Иногда у него возникало ощущение, будто эта незнакомая дама — его мать, но он гнал эту безумную мысль: ведь у него уже была мать, Хелен Пинкергон!

Кульминация наступила как-то за ужином, когда Кен внезапно выпалил:

— Помните ту даму из моих снов? Вчера она снова приходила и сказала, что она моя мать. Ну не бред ли? Ты моя мама, не может же у человека быть

две матери! Кто эта женщина, почему она никак не оставит меня в покое?!

Внезапно их тихий семейный ужин нарушили громкие клокочущие звуки — Хелен, явно разнервничавшись, подавилась едой.

— Что случилось, мама? Тебе плохо? — в тревоге спросил Кен.

Ни слова не говоря, Хелен убежала в примыкавшую к комнате гостевую ванную, чтобы восстановить равновесие, и, даже переживая за мать, Кен успел заметить, как его отец Бенджамин Пинкертон покраснел до самых кончиков ушей, что всегда случалось с ним при сильном волнении.

Когда мать, успокоившись, вернулась к столу, непонятные эмоции улеглись и Кен почувствовал, что ему больше не следует поднимать эту тему, которая по какой-то причине сильно расстраивает его семью.

За прошедшие годы, полные юношеских забот, эти детские видения и вызываемое ими любопытство отошли на задний план, перестали так сильно волновать его. Но, будучи честен с самим собой, Кен признавал, что никогда о них не забывал.

Корабль резко качнулся, и на этот раз Кена отбросило от борта с такой силой, что он чуть не сломал себе ребра. Кен решил, что пора возвращаться под кров каюты — ведь если он хочет получить ответы на свои вопросы, ему нужно добраться до Японии целым и невредимым!

Ночью он снова достал маленькую стопку пожелтевших писем, перевязанных выцветшей красной нитью, одну из нескольких, что хранились у него в чемодане.

Эти маленькие связки писем Бенджамин Пинкертон передал сыну на смертном одре, и Кен долго не мог заставить себя их открыть.

— Не говори о письмах матери, — перед смертью прошептал отец. — Мне удалось держать их в тайне от нее все эти годы! Старина Шарплесс из американского консульства привозил мне связку каждый раз, как возвращался домой в Америку...

Безжизненные глаза Бенджамина Пинкертона устремились куда-то вдаль, взгляд был подернут туманом, и Кен понял, что отец неосознанно вернулся в те места и к тем людям, которых он, возможно, никогда не узнает.

Ему хотелось спросить, кто написал эти письма и почему отец передал их ему, но негоже тревожить умирающих вопросами. На следующий день Бенджамин Пинкертон преставился, унеся с собой в могилу тайну писем, и Кену пришлось разгадывать ее самому.

Медленно, дрожащими руками Кен достал из связки первое письмо и перечитал его.

Мой дорогой Дзинсэй, сегодня тебе исполняется четыре года. Я вспоминаю о тебе ежедневно, мать связывают с ее ребенком неразрывные узы крови...

Что ты делаешь сегодня? Счастлив ли ты, дитя мое? Много получил подарков?

Если бы ты был здесь, в Нагасаки, мы с Судзуки-сан приготовили бы тебе сегодня осэ-кихан, традиционный красный рис на день рождения...

ГЛАВА 2

На небольшом холме на окраине Нагасаки стоял скромный деревянный дом, коричневый с белым. Перед ним был пруд с карпами и росла сакура, которая каждую весну покрывалась великолепными розовыми цветами. Остальное время года она стояла безмятежная, но однообразно зеленая.

Прямо под ветвями сакуры расположились каменные скульптуры: западная женщина с младенцем на руках, в духе Мадонны, и легкомысленные танцовщицы в европейской одежде; все они совершенно не сочетались с традиционными японскими домом и садом. Эти статуи владеец дома Мицуэ Койва получил в благодарность за услугу от одного европейского купца, чей корабль месяц простоял в Нагасаки несколько лет назад. Они были радостью и гордостью Мицуэ, считавшего их окном в мир за пределами Японии.

Мицуэ, респектабельный торговец, хорошо обеспечивал семью, но никто толком не знал, чем он торговал, и не удосуживался спросить. В возрасте двадцати пяти лет он, повинаясь обычаям, женился на подруге детства Сатиё, прежде чем родители успели навязать ему невесту по своему выбору, и у молодых один за другим родились трое детей: два мальчика и девочка, — после чего Сатиё твердо решила, что ее телу нужно отдохнуть от деторождения.

И хотя все завидовали тому, какие у Мицуэ крепкие, здоровые сыновья, продолжатели рода, любимцей его была красавица дочурка Мика.

Однажды ленивым воскресным днем, когда Мицуэ смотрел, как дочь танцует вокруг каменных скульптур в саду, ярко-желтая бабочка опустилась ей на волосы, точно лента.

— Смотри, папа! — воскликнуло дитя. — Я теперь Тёо-Тёо, бабочка!

— Отныне и будешь ты Тёо-Тёо, — торжественно провозгласил Мицуэ в тот прекрасный весенний день, когда сакура только начинала цвести. Он и представить себе не мог, что когда-нибудь это легкомысленное прозвище превратится в Чيو-Чيو-сан и будет греметь далеко за пределами Нагасаки по всему миру, который никто из них так никогда и не узнает.

Бабочка поднялась с головки Тёо-Тёо, покружила немного и как ни в чем не бывало улетела, словно выполнив свою задачу окрестить девочку. Та побежала за ней, не желая терять новую подружку, но бабочка скрылась в кустах.

Малышка разрыдалась, и успокоило ее только появление матери с любимым десертом из красной фасоли — десертом, о котором взрослая Тёо-Тёо-сан будет вспоминать: «Тает во рту и невыразимо сладко течет по горлу».

Сатиё ясно дала понять, что ей не нравится новое прозвище дочери, намекающее на слабость и ветренность.

— Нечего вкладывать ей в голову легкомысленные идеи, Мицуэ, — сказала она с укором. — Мы с тобой приземленные и практичные, такими должны расти и наши дети!

Так Тёо-Тёо стало тайным именем, которым пользовались только Мика с отцом.

Каждый день Мицуэ уходил по делам, оставляя Сатиё заниматься хозяйством и приглядывать за детьми, занятыми своими забавами. Она не разрешала им играть на улице с тех пор, как в Нагасаки стали приходить иностранные корабли с западными мужчинами и изредка женщинами, — обычно эти корабли задерживались на неделю, а потом шли дальше. Но однажды в Нагасаки прибыл корабль с группой людей на борту, которые начали искать себе землю для поселения, и стало ясно, что они не намерены уплыть в ближайшее время.

— Они называют себя христианскими миссионерами, — сообщил Мицуэ. — Говорят, они хотят построить здесь церковь — так называются их храмы — и распространять христианство в Японии.

— Но почему в Нагасаки? — запротестовала Сатиё. — Мы живем тут мирно, наши дети в безопасности. Нам не нужно, чтобы какие-то чужаки приплывали сюда и проповедовали свой образ жизни. Мы и так счастливы, зачем нам что-то менять?

— Но они помогают развитию торговли: покупают дома, ходят в рестораны и бары, — ответил Мицуэ. — Так что есть и положительная сторона.

— И все же из этого не выйдет ничего хорошего, — настаивала на своем Сатиё. — Посмотри, сколько гейш развелось из-за них! Стоит только заглянуть в район Маруяма, и сразу становится видно, как изменился наш город!

Мицуэ не стал с ней спорить. У него хватало забот из-за неудавшейся сделки, грозившей ему разорением. Никто не должен был знать, что он потратил все деньги, взятые в кредит, на закуп-

ку товаров для растущей общины иностранцев, а корабль, который их вез, затонул.

«Этого не должно было произойти, — стонал Мицуэ. — Я мог продать этот груз чужакам за тройную цену, выплатить ссуду и получить неплохой доход».

С тяжелым сердцем наблюдал он за своей семьей, мирно отдыхающей после ужина возле теплого очага в их скромном, но уютном доме. Вдруг его и дальше будут преследовать неудачи и дом отберут за долги?

Мицуэ смотрел, как его любимица Тёо-Тёо играет с братом, и у него сжималось сердце. Что будет с ней, если они лишатся крова? Ей только-только минуло шестнадцать, и он гнал от себя мысли о том, как это милое невинное лицо омрачат тревога и смятение, если ее мир внезапно рухнет.

Он решил, что завтра пойдет к кредиторам, станет умолять дать ему больше времени, чтобы расплатиться с долгами, и для этого, если потребует, даже устроится работать на чужаков, как бы ни возражала Сатиё. Мицуэ не знал, что еще предпринять.

А главное, Тёо-Тёо не должна была догадаться: Мицуэ не выдержал бы вида печали и тревоги на ее ничем не омраченном прекрасном лице.

ГЛАВА 3

— Как ты мог довести нас до такого? — плакала Сатиё. Она рыдала целыми днями, и даже дети выглядели обеспокоенными и испуганными. —

Говорили тебе: не приближайся к этим чужакам, не навлекай позор на семью!

Она отлучила его от спальни, и ему пришлось спать на тонком футоне* в гостиной, а Тёо-Тёо каждый вечер сидела подле отца, молча утешая его.

Каждое утро Мицуэ отправлялся к причалу и помогал разгружать корабли, ежедневно прибывавшие в порт. Оставив гордость, он храбро принял на себя этот позор: из преуспевающего купца превратился в портового грузчика, чтобы выплачивать долги и покупать еду для семейного стола.

У юной Тёо-Тёо каждый вечер болело сердце при виде того, как отец возвращается домой и держит покрытые мозолями руки в тазике с теплой водой; изможденный, в грязной одежде, пропахшей потом от тяжелого труда.

— Неужели нет ничего, что я могла бы сделать, чтобы приносить деньги в семью, — жаловалась Тёо-Тёо брату. — Я чувствую себя такой беспомощной, когда вижу, как тяжело приходится отцу.

— Что ты можешь, Мика? — презрительно фыркнул брат. — Ты всего лишь девчонка, какой от тебя толк. Дождись, когда я вырасту и стану помогать отцу. А девчонки могут только выходить замуж и рожать детей!

— Но к тому времени, как ты вырастешь, отец уморит себя работой, — печально отвечала Тёо-Тёо. У нее не было настроения пререкаться с братом, как бы ни обижали ее эти слова.

* Футон — матрас на полу, на котором традиционно спят японцы.

Все равно брат был прав: по японским традициям юная девушка мало чем могла помочь семье, если только не...

Последнее время Тёо-Тёо все чаще задумывалась о немыслимом, запретном, и ей начинало казаться, что есть все-таки нечто такое, что она может сделать.

Несколько дней назад она забрела в ту часть города, о которой так неодобрительно отзывалась мать, — в Маруяму, район, где вдоль улиц протянулись чайные домики, красотики в цветастых кимоно подавали чай посетителям и болтали с ними, отрабатывая зарплату и щедрые чаевые.

Мика не понимала, почему мать не одобряет подобные места. В конце концов, девушки не делали ничего плохого, только подавали чай с пирожными и болтали с клиентами, пусть большинство из них и были мужчинами. Работа казалась несложной, и Мика не сомневалась, что девушкам хорошо платят просто за то, что они развлекают гостей.

Тёо-Тёо еще несколько раз сходила посмотреть на чайные домики по вечерам, и в голове ее созрела мысль. Может, и она смогла бы работать там, чтобы помочь семье? Ей было уже шестнадцать, и она не сомневалась, что ничуть не уступает работницам чайных домиков привлекательностью.

— Только через мой труп! — возопила Сатиё, когда Мика подошла к матери с этим предложением. — Не хватало нам, что твой отец из процветающего торговца превратился в простого портового работягу, так еще и моя дочь хочет работать в чайном доме?